

П.Б. Замураева, аспирант
Т.Н. Бояк, д-р социол. наук, проф.
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

УДК 392.37

**ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

В данной статье рассматриваются формирование, развитие и организация гендерных отношений у бурят в традиционной культуре, влияние трудовой деятельности и религиозных воззрений на особенности воспитания мальчиков и девочек, на положение мужчины и женщины в традиционном бурятском обществе.

Ключевые слова: гендерные отношения, традиционная культура, трудовая сегрегация, воспитание детей.

P.B. Zamuraeva, P.G.
T.N. Boyak, Dr. Sc. Sociology, Prof.

**GENDER RELATION IN TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS
IN SECOND HALF XVIII – EARLY XIX CENTURIES:
HISTORICAL-CULTURED ASPECT**

This article focuses on the formation, development and organization of gender relations among the Buryats in the traditional culture, the impact of employment and religious visions on upbringing of boys and girls, on the situation of men and women in the traditional Buryat society.

Key words: gender relations, traditional culture, labor segregation, upbringing of children.

В настоящее время значительно возрос интерес к традиционным культурам различных народов, и стремление сохранить традиционные формы жизнедеятельности разных этнических групп является необходимым условием настоящего, связывающего прошлые и будущие поколения. Различные события и процессы современного мира, определяют новые тенденции культурной жизни народов. Под их влиянием происходят переосмысление всего исторического наследия, переоценка нравственных ориентиров, восстановление исторической и культурной памяти. Сложившиеся ранее различия полов, взгляды и нормы поведения мужчин и женщин видятся сейчас иначе, чем в предыдущие столетия.

Следовательно, актуальность исследования гендерных отношений в традиционной культуре бурят обусловлена главной целью нашей статьи – определить и исследовать степень влияния различных факторов, во многом определивших развитие и организацию гендерных отношений в традиционной культуре бурят во второй половине XVIII – начале XIX в., таких как: 1) историко-культурное развитие края; 2) традиционный уклад; 3) половая дифференциация хозяйственной деятельности; 4) религиозные воззрения на мужчин и женщин; 5) процесс воспитания детей как важный и необходимый процесс в становлении личности и определении жизненных позиций. Здесь следует указать, что гендерные отношения в традиционной культуре бурят исследуемого периода осуществлялись и воспроизводились прежде всего в семье (как отношения между старшими и младшими, мужем и женой, отцом и дочерью, матерью и сыном, невесткой и свекром, тещей и зятем и т.д.) и лишь затем в родоплеменной группе, где гендерные отношения выступали как взаимоотношения полов разных родов, различных племенных групп, народов.

Выбор данного периода для нашего исследования объясняется тем, что в судьбе Российского государства XVIII в. явился поворотным, и произошедшие перемены не могли не коснуться самых отдаленных частей империи, не обозначив новых путей в историко-

культурном развитии края. Данный фактор, безусловно, является важным и основополагающим в развитии традиционной культуры бурят и организации гендерных отношений. Для бурят вторая половина XVIII–начало XIX в. – это время, когда значительно изменился тип хозяйствования, произошли существенные перемены в общественных отношениях. В этот период особенно сказались влияние русского народа и Российского государства, сложились предпосылки для проникновения в бурятскую экономику капиталистических отношений, что отразилось на особенностях традиционной культуры бурят, и вследствие этого – на характере самих гендерных отношений. Также следует указать, что именно в XVIII в. царское правительство стало совершать более глубокие разведки в Сибирь посредством научных экспедиций с целью получить более обширные и точные сведения о коренном населении, их нравах и обычаях, о характере их хозяйственной деятельности и т.д. Данные процессы не могли не способствовать историко-культурному развитию края, повлияв на ассимиляцию народов и на взаимообогащающий опыт общения представителей разных конфессий и традиций.

Активное освоение и изучение края повлекли за собой изменение быта, *традиционного уклада* жизни у различных этнических групп, в том числе у бурят. В исследуемый период внедрение земледелия в какой-то мере постепенно стало менять быт и образ жизни бурят. Ограничивается число кочевков, и происходит переход на стойловое содержание скота, в результате чего мы наблюдаем значительное сокращение хозяйственных и домашних обязанностей у мужчин и увеличение их у женщин. Данные изменения, в свою очередь, повлияли на закабаление женщин в сфере домашних работ и изменение общественных воззрений на женщину как на домашнюю работницу, существо неграмотное и нечистое. В итоге женщину начали воспринимать как собственность отца или мужа.

Таким образом, мы можем утверждать, что от хозяйственной деятельности общества во многом зависела *половая дифференциация* мужских и женских занятий, определявшая иерархию в гендерных отношениях. Следовательно, разделение труда по половому признаку подразумевает не просто разделение функций на мужские и женские, оно влечет за собой определенную стратификацию различных видов деятельности и порождает иерархические различия между полами. К примеру, в обществах охотников-собирателей власть мужчин над женщинами объясняется ведущей ролью мужчин в охоте, а у земледельцев – ведущей ролью мужчин в расчистке и распределении земельных наделов. Монополия мужчин на большую охоту была связана не только и не столько с большей физической силой мужчин, а с необходимостью уходить на большие расстояния от дома. Для женщин такие перемещения затруднены наличием детей. И потому мужчине практически во всех традиционных культурах отводится основная роль охотника на крупного зверя, пастуха, рыбака и собирателя меда.

Мужчина выполняет основную работу по расчистке земли под посевы. За женщиной же закреплена роль собирательницы растительной пищи. В сфере ремесел за мужчинами практически монополю закрепились любые работы с металлами, деревом, камнем, костью и рогом. Мужчины чаще всего занимаются изготовлением сетей и веревок, а также строительством домов. Тогда как женщины чаще мужчин заняты прядением, ткачеством, плетением корзин, шитьем одежды, приготовлением пищи, заготовкой воды и топлива, а также воспитанием детей. Поэтому мы можем согласиться с утверждениями Т. Парсонса и Р. Бейлза, что гендерная дифференциация коренится в «инструментальности» мужского поведения и «экспрессивности» женского, основная роль женщины связана с делами внутри семьи, тогда как мужчина всегда играл и продолжает играть основную роль в делах вне дома. Следовательно, иерархия полов в обществе во многом зависит от экологических условий и отношения мужчин и женщин к контролю ресурсов и культурных благ. И в обществах, где женщины полностью отстранены от контроля, их социальный статус существенно снижен, а там, где мужчины и женщины в равной степени контролируют распределение материальных благ, статус женщин близок к мужскому [2].

Но во времена облавных охот, которые впоследствии и сформировали скотоводческую культуру, женщины, как отмечает М.Н. Хангалов, в облавных охотах участвовали наравне с мужчинами, имели право голоса и при разделе добычи получали свой пай. Бурятский обы-

чай, выдавая дочерей замуж, снабжать их конем с полной сбруей, луком и запасными стрелами, свидетельствовал о прежнем равноправии мужчин и женщин. Считается, что в древности именно жениха провожали в род невесты. Также у бурят соблюдался авункулат, характерный для народов Средней Азии и Кавказа. Данный обычай является отголоском матриархата и матриликальных родов, когда дядя по матери, т.е. брат матери, оказывал всяческую помощь своим племянникам, помогал платить калым, готовить приданое. Также весь материнский род оказывал поддержку своим родовичам [5].

В исследуемый период в силу патриархального уклада общества в правовом отношении женщины были во многом ограничены, но сама специфика общинно-родового общества гарантировала помощь всем его членам в трудные моменты их жизни. Уважительное отношение со стороны всего общества проявлялось к хозяйке дома, выполнявшей основные организаторские и воспитательные функции в семье. Домашний труд женщины, ее вклад в благосостояние семьи получал высокое общественное признание. После смерти мужа женщина и ее дети не оставались без помощи со стороны общества. Обычное право всех этнических групп бурят обязывало опекать всех вдов, как с детьми, так и одиноких бездетных. Достигнув преклонных лет, женщина пользовалась большим уважением и заботой детей и внуков и в целом всего общества, при этом ее особо высокий статус и богатый жизненный опыт позволяли активно участвовать в общеродовых мероприятиях, решении общесемейных дел, воспитании детей [3].

Существенное влияние среди вышеперечисленных факторов имели традиционные *религиозные воззрения бурят*, в которых выявлялось качественное различие между мужской сакральностью, характеризовавшейся положительными свойствами, и женской, имевшей, напротив, отрицательные свойства. В силу данного воззрения мужчины старались избегать предметов, наделенных женской силой, женщины, в свою очередь, не должны были прикасаться к предметам мужской доблести, поскольку последние этим прикосновением лишались силы и меткости. Особым воплощением женской отрицательной сакральности считались у бурят волосы женщины, ей запрещалось ходить с непокрытой головой, расчесывать волосы при свекре и других родственниках мужа и вообще показывать их другим людям. Несмотря на воплощение отрицательной сакральности, женские волосы вместе с тем ассоциировались с плодородием, размножением, богатством. Личные вещи женщины, по бурятским поверьям, негативно воздействовали на мужчин, но на самих женщин они имели благотворное влияние. Также невесткам строго запрещалось называть своих свекра и свекровь по имени, наступать на их тени, подавать пищу левой рукой, что считалось проявлением крайнего неуважения. Требование соблюдения обычая избегания, предьявляемое к женщине, определяло в большинстве случаев уважительное отношение к старшим членам семьи, способствовало устранению конфликтов, которые могли произойти благодаря недозволенным половым связям, при этом их должны были придерживаться не только невестки, но и остальные члены семьи и всего родственного коллектива [3].

В религиозно-обрядовой жизни традиционного бурятского общества большее участие принимали мужчины, которые являлись главными исполнителями обрядов. Но при этом существовали и исконно женские обряды, которые мужчинам посещать запрещалось. Большое количество опасных женских божеств и мстительных духов, появившихся в результате тяжелого или насильственного ухода из жизни, свидетельствует о тяжелой женской доле, считалось, что после своей смерти они могли мстить обидчикам. Также у бурят существовал древний культ женщины-прародительницы, хранительницы домашнего очага который проявлялся в глубоком уважении и почитании женщины-матери и хозяйки дома – хранительницы благополучия семьи.

На тайлаганах, сопровождаемых обрядом жертвоприношения животного, наравне с мужчинами присутствовали пожилые женщины, в то время как молодежи обоего пола строго запрещалось там находиться. Как отмечает в своих записях бурятский этнограф М.Н. Хангалов, запрет на присутствие женщин репродуктивного возраста и молодежи связан был с тем, что, по поверьям бурят-шаманистов, во время проведения тайлагана с обрядом

жертвоприношения животного собирается большое количество разных призываемых духов, в числе которых присутствуют и мужские духи, считающиеся наиболее гневными и суровыми. Именно нежелательность негативного влияния этих духов на тайлагане объясняла запрет на присутствие указанных лиц [3].

Мужчины, как мы считаем, в некоторой степени также подвергались общественным ограничениям: если у них не имелось возможности платить калым, то они оставались холостяками или же им приходилось воровать невест либо устраиваться батраками к своим более богатым сородичам в обмен на условие помочь им жениться. В это же время старые и богатые мужчины имели по несколько жен, живших со своими детьми в разных юртах, при этом хозяйство велось общее, и среди многочисленных жен существовала жесткая иерархия. Младшие жены подчинялись старшим и выполняли самую тяжелую работу, самая старшая жена подчинялась свекрови.

Статус и состоятельность мужчин также зависели от их физических и умственных способностей, которые высоко ценились в обществе. С.Г. Жамбалова указывает: «Мужчины, в силу разных обстоятельств не принимавшие участие в облаве, не могли быть полноправными членами общества». Поэтому в облавных охотах участвовали и подростки, начиная с 12 лет, так как детей обучали ездить на коне с 4-5 лет, а в 12-13 лет мальчик уже должен был уметь увертываться от стрел и стрелять в цель на ходу. На охоте мальчики проходили своеобразные инициационные ритуалы – приобщались к родовому огню, опыту старших, различным преданиям и обрядам – способствовавшим переходу мальчиков в возрастной класс юношества. Но по мере развития скотоводства облавная охота теряет былое значение, и на облаву уже отправлялись взрослые мужчины, отдавая дань традициям и обычаям, оставляя женщин и детей дома ухаживать за скотом [4].

Таким образом, мужчина в традиционной культуре бурят, являясь кормильцем и защитником, распределителем культурных благ, имел статус выше, чем женщина. Мужчины имели право заключать браки и распоряжаться судьбой женщин-родственниц. Заключать брачные договоры могли не только отцы невесты, но и ее дедушки, братья, дяди. Вдовы также не могли самостоятельно выбрать себе мужа из-за существовавшего обычая левирата, который в некоторой степени являлся и гуманной необходимостью, например, если у вдовы имелись дети и не было поддержки со стороны своих родственников. Для мужчин же свобода выбора жен являлась делом достаточно распространенным. В традиционной культуре бурят исследуемого периода было развито многоженство, с согласия жены мужчина брал столько жен, сколько мог прокормить. Причиной многоженства у бурят в большинстве случаев было бесплодие или тяжелая болезнь жены. В традиционной патриархальной культуре бурят доминировали мужчины, но зачастую практически полной монополией в принятии решений, касающейся домашней сферы, обладали женщины, что непосредственно связывалось с большей загруженностью женщины работой по дому, обеспечением членов семьи продуктами питания, одеждой, постельными принадлежностями, рождением и воспитанием детей.

Процесс воспитания детей, приобщения к культурным традициям и обычаям народа является также очень важным фактором, несомненно, оказывающим влияние на взаимоотношения полов. Именно семья, семейные идеалы, семейное воспитание закладывают основу, стержень и принципы, которыми будет руководствоваться человек на протяжении всей жизни. И у бурят в воспитании и в формировании нравственных принципов у детей, отмечает К.Д. Басаева, существовала своя сложившаяся в процессе исторического опыта система нравственного воспитания, выработанные этнические принципы, нормы и правила поведения в семье и обществе, которые усваивались каждым поколением с раннего детства. Одной из главных особенностей в воспитании было привитие детям с малолетства послушания и почтительного отношения к родителям, уважения к старшим. Эти правила строго соблюдались в быту и в процессе воспитания становились нравственной привычкой, нормой общения. Между детьми обоего пола до 3-х лет не существовало больших различий: одежда и обувь шились для них одинаково, а волосы не стригли детям до 3-х лет. Таким образом, пер-

вая стрижка волос ребенка намечала половую дифференциацию, маркируя, во-первых, переход в следующую возрастную группу, а во-вторых, отдаление от «мира предков, божеств» и установление более близких отношений с коллективом.

По достижении детьми 5–6 лет требования к ним становились различными, особенно в семьях, где было мало сыновей (один-два). В таких семьях мальчики получали право первенства, пользовались особенно нежной заботой и безнаказанностью. Мальчик становился баловнем семьи: ему отдавали лучший кусок, он мог курить трубку, ему давали чашку с тарасуном в торжественные дни и т.д. Девочке же с раннего возраста внушалась мысль о подчиненном положении, зависимости от отца, брата. Но при этом девочки могли свободно общаться и играть с мальчиками в общие игры. С подросткового периода от девочки требовалось более строгое соблюдение правил поведения в общественных местах или в присутствии посторонних, в отличие от мальчика-подростка. Л.Ю. Дондокова пишет, что сын с рождения зачислялся как мужчина в состав общины и при переделах общинных покосных угодий получал «душевой» надел земли, дочь была лишена такого надела и не могла наследовать отцовское имущество, которое передавалось только по мужской линии. Но если дочь была единственным ребенком, то она становилась полной наследницей своих родителей. Такая разница в отношении к мальчикам и девочкам была освящена глубокой по давности традицией: сын – будущий кормилец старых родителей, наследник семейного очага и хозяйства, продолжатель рода [1].

Отсутствие дочерей также являлось предметом огорчения, так как дочь являлась помощницей матери в домашних делах. Для отца же в большей степени дочь связывалась с надеждой получить за нее калым, который являлся своеобразной компенсацией затрат и усилий при ее воспитании. Часто размер калыма, отмечает М.Н. Хангалов, превышал возможности сватающейся стороны. И потому в обычае бурят было устраивать сватовство, когда жених и невеста были еще детьми, и уплачивать калым вплоть до женитьбы. При этом на согласие детей при выборе жениха или невесты родители мало обращали внимание, вследствие чего нередко были случаи развода и убегая жен от мужей. Очень часто, чтобы официально оформить развод, буряты принимали православие, которое признавало недействительными браки, заключенные по языческим обычаям. Здесь можно отметить, что христианство сыграло особую роль в раскрепощении мужчин и женщин в традиционной культуре бурят второй половины XVIII – начала XIX в. Принятие православия давало возможность создать семью беднякам, расторгнуть брак, а также способствовало ассимиляции народов [5].

Таким образом, гендерные отношения строились на основании воспринятых от предшествующих поколений образцов поведения, которые усваивались с детства от старших. Подражание и послушание являлись важнейшими условиями, обеспечивающими сохранение традиций формирования и организации гендерных отношений и их трансляцию последующим поколениям. Являясь продуктом традиционной патриархальной культуры, где разделение полов шло по принципу природного назначения, обусловленного биологическими функциями человека, гендерные отношения жестко регламентировались традициями, обычаями, гендерной дифференциацией труда, особенностями воспитания мальчиков и девочек, а также предъявляемым к ним требованиям. Так как у любого народа в своем историческом развитии есть установленные и понятные для них и их времени правила и нормы функционирования и структурирования общественных и гендерных, в том числе, отношений, развитию которых также способствовало и мирное сосуществование исконных шаманских верований наряду с православием и буддизмом. Подводя итог, мы можем сказать, что выявленные и рассмотренные в нашей статье факторы оказали значительное влияние на развитие и организацию гендерных отношений в традиционной культуре бурят второй половины XVIII – начала XIX в., определив местный колорит и свободу вероисповедания, что, в свою очередь, повлияло на возникновение новых контактов и торговых путей, на развитие края в целом.

1. *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят: (Вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. П.Т. Хаптаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. – 192 с.
2. *Бутовская М.Л.* Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. – Фрязино: Век 2, 2004. – 368 с.
3. *Дондокова Л.Ю.* Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2008. – 208 с.
4. Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / ред. кол.: К.Д. Басаева, Д.Д. Нимаев. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. – 163 с.
5. *Хангалов М.Н.* Собр. соч.: в 3 т. / под ред. Г.Н. Румянцева. – Т. 1. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2004. – 508 с.

Bibliography

1. *Basaeva K.D.* The family and marriage among the Buryats: (second half XIX – early XX centuries) / Ed. by P.T. Naptayev. – Ulan-Ude: Buryat Books Publishers, 1991. – 192 p.
2. *Butovskaya M.L.* Secrets of gender. A man and a woman in the mirror of the evolution. – Fryazino: Vek 2, 2004. – 368 p.
3. *Dondokova L.Yu.* Status of the women in traditional society of the Buryats (second half XIX – early XX centuries): monograph. – Ulan-Ude: BSAA named after V.R. Philippov, 2008. – 208 p.
4. Cultural and community traditions of the Buryat and Mongolian people / Ed. by K.D. Basaeva, D.D. Nimaev. – Ulan-Ude: BF SB AS USSR, 1988. – 163 p.
5. *Hangalov M.N.* Collected edition: in 3 vol. / Ed. by G.N. Rumyancev. – Vol. 1. – Ulan-Ude: The republican typography, 2004. – 508 p.